

18+

Светлана Данилина

ПОРТРЕТЫ

ПРЕЛЕСТИ

ПРИЧУДЫ

Светлана Данилина

Портреты, прелести, причуды

«Издательские решения»

Данилина С.

Портреты, прелести, причуды / С. Данилина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-556464-1

Впервые книга «Портреты, прелести, причуды» была издана в рижском издательстве GVARDS в 2014 году. Она включает в себя несколько рассказов и повесть. Книга написана в реалистической манере, её отличают высокая духовность, занимательная манера изложения, оптимизм, тонкий юмор, ироничный взгляд на жизнь, богатство языка. Книга «Портреты, прелести, причуды» вошла в длинный список литературного конкурса «Бунинская премия» в 2014 году.

ISBN 978-5-00-556464-1

© Данилина С.
© Издательские решения

Содержание

О книге	6
Предисловие	7
Богемская ваза	9
Ода бетономешалке	14
Умытое утро	22
Бальзам	26
Метаморфоза	31
Самый-самый	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Портреты, прелести, причуды

Светлана Данилина

© Светлана Данилина, 2021

ISBN 978-5-0055-6464-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

Издательство Ridero предлагает читателю второе издание книги Светланы Данилиной «Портреты, прелести, причуды».

Впервые книга «Портреты, прелести, причуды» была издана в издательстве GVARDS (Рига, Латвия) в 2014 году.

Книга вошла в длинный список литературного конкурса «Бунинская премия» в 2014 году.

Книга включает в себя несколько рассказов и повесть.

Действие в представленных в сборнике произведениях происходит во второй половине XX – начале XXI века.

Основное внимание сосредоточено на создании психологических портретов главных героев, наших современников, действующих, как правило, в обычных жизненных ситуациях.

Рассказы и повесть написаны в реалистической манере, их отличают высокая духовность, занимательная манера изложения, оптимизм, тонкий юмор, ироничный взгляд на жизнь, богатство языка.

Предисловие написано писателем, поэтом, филологом, переводчиком, преподавателем русского языка и литературы Ниной Русановой (Барселона).

Обложка Светланы Самоваровой (Рига).

Книги Светланы Данилиной:

Коллекция характеров. – Рига: Gwards, 2008.

Коллекция характеров. Sequel. – Рига: Gwards, 2010.

Всё та же коллекция. – Рига, 2013.

Портреты, прелести, причуды. – Рига, 2014.

Конференция. – М.: Авторская книга, 2016.

Гуманитарная миссия. – Рига, 2017.

Арт-галерея. – Рига, 2020

Предисловие

...И таких маленьких, но поразительных мелочей я мог бы привести сотни... Все мы проходим мимо этих характерных мелочей равнодушно, как слепые, точно не видя, что они валяются у нас под ногами. А придёт художник, и разглядит, и подберёт. И вдруг так умело повернёт на солнце крошечный кусочек жизни, что все мы ахнем. «Ах, боже мой! Да ведь это я сам – сам! – лично видел. Только мне просто не пришло в голову обратить на это пристального внимания»...

А. И. Куприн

Случалось ли вам видеть воплощение мечты?

Мечты – вашей собственной, но претворённой в жизнь кем-то другим, причём лучше, – полнее и совершеннее, – чем это могли бы сделать вы сами?

Мечты, воплощённой *мастерски*.

Для меня таким воплощением задумки о некоей *галерее образов, персонажей*, стало неожиданное и чрезвычайно обогащающее знакомство с прозой Светланы Данилиной, выпустившей к моменту нашей встречи уже два сборника рассказов и повестей: «Коллекция характеров» и «Коллекция характеров. Sequel». Немногим позже мне посчастливилось стать одним из первых читателей и третьей её книги – «Всё та же коллекция».

Филолог, журналист и редактор, прозаик, лауреат сетевой премии «Народный писатель» 2013 года в номинации «Выбор экспертов», знаток и тонкий ценитель мировой и русской литературы, как современной, так и классической, Светлана Данилина является продолжателем лучших традиций последней. Все её произведения написаны в классической манере, великолепным русским языком.

Автор предстаёт перед нами как истинный художник слова, на полотнах которого нет ни одной лишней детали и чьи работы не перегружены и не тяжелы для восприятия: все краски в них свежие и яркие, все тона и оттенки светлые, лёгкие, тёплые. Всё необычайно живо, *настоящему*. Все произведения глубоко психологичны – все герои в них *узнаваемы*.

В прозе Светланы мы не найдём каких-либо конкретных, *срисованных* с действительности персонажей, – все образы собирательные. Однако, погружаясь в атмосферу любого из произведений, читатель начинает *припоминать*: *да-да, так и было!*.. Каким-то чудом автору удаётся извлечь воспоминания о людях и событиях не только из своей творческой копилки, но и из копилки памяти читающего. Всё это делает прозу Светланы Данилиной необыкновенно близкой широкому кругу читателей.

Нет в её работах и откровенных шаржей или карикатур. Автор не ставит перед собой целей «обличать» и «бичевать». Автор – художник, *мастер*, который просто делает своё дело: *пишет*. Описывает, выписывает – тщательно, правдиво, но в то же время незлобливо, что в наш век уже само по себе редкость.

Лаконичность повествования и неожиданная развязка, узнаваемость персонажей, добродушный юмор и сочувствие героям сближает работы Светланы с короткими рассказами А. П. Чехова раннего периода творчества. Таковы её рассказы «Кошелёк» и «Чудодейственное средство» (первая и вторая книги) и вошедшие в настоящий сборник «Ода бетономешалке» и «Умытое утро».

Любование людьми и природой, наличие «жанровых сценок», глубокая и искренняя народность произведений делает их близкими творчеству Н. В. Гоголя в ранний его период. Это и «Фольклорная практика», и «Первый закон Ньютона», и «Морской пейзаж» (вторая и третья книги).

Некоторые рассказы Светланы напрямую отсылают к тому или иному шедевру мировой литературы, ведут с ним своеобразный диалог, тем самым приближая и заново открывая нам классику с новой, подчас неожиданной стороны, а также приглашая нас по-новому взглянуть на современность. Таковы её «Привет Диккенсу» и «Аллюзии, или Воспоминания о миргородском гусаке» (первый и четвёртый сборники соответственно).

Проза Светланы Данилиной – это богатство живописных приёмов и великолепное ими владение, это ясность мысли и безукоризненная чистота языка. Знакомство с очередной книгой этого талантливого автора подобно глотку свежего воздуха, а погружение в чтение дарит отдых душе. Все работы Светланы способны порадовать слух и глаз самого искущённого и взыскательного читателя, критика; а собрата по перу ещё и вдохновить на дальнейшее творчество.

«Портреты, прелести, причуды» – так называется этот уже четвёртый по счёту сборник, который мне выпала честь здесь представить. Всего в книгу вошло двадцать два произведения. Это рассказы, повести и миниатюры.

Окунитесь в чтение, погрузитесь в него – и, быть может, на одном из *портретов* («Портреты и призраки») вы узнаете себя или кого-то из близких... Ну или не очень близких знакомых.

Поверьте, и в этом тоже есть своя, особая, *прелесть*! Ведь даже *причуды* («Метаморфоза», «В лучах звезды Ч.», «О, этот дивный миг прозренья!») – и те выписаны автором-живописцем не просто искусно, а с большой любовью, – и не только к русскому языку и литературе, но – и это прежде всего! – к *человеку*.

Нина Русанова

филолог, переводчик,

поэт, писатель, член Российского союза писателей

Богемская ваза

*И солнце отражается
В осколках хрустала.*

С. В. Михалков
«Хрустальная ваза»

Если бы случилось Вам, драгоценный читатель, проходя по историческому центру города, заглянуть в красивое старинное здание, то в одном из офисов Вы заметили бы беготню, суету и даже лёгкую панику, царящую среди персонала.

Нет, внешне всё там было вполне пристойно. Если не принимать во внимание общей нервозности атмосферы.

Дело в том, что, придя утром на работу, секретарша Наденька заглянула в свой ежедневник и с ужасом обнаружила, что они всем коллективом прохлопали день рождения ну очень важного и уважаемого коллеги.

Мало того, что он по роду занимаемой должности был важен и уважаем, так ещё и любил подчеркнуть свой вес и значимость, требуя должных пиетета и даже благоговения от подчинённых.

«Швах! – подумала Наденька. – Полный швах!»

Она приходила в заведение первой.

Коллеги подтягивались к приличному для опозданий часу постепенно – каждый в своё время.

До прибытия виновника шваха оставался час.

«Никуда не пойду!» – было первой мыслью Наденьки, только что поставившей открытый мокрый зонтик в угол и поменявшей осенние сапожки на удобные офисные туфли.

Она выдвинула ящик стола, нашла в нём конверт и немного успокоилась – первый шаг был сделан.

«Деньги соберём. Славика за цветами и подарком отправим. В час сядем», – рассчитывала она, пока раскочегаривался компьютер.

Когда к одиннадцати народ, приплюснутый и деморализованный обстоятельствами серого холодного ноябрьского дождливого понедельника, подтянулся, Наденька обрадовала коллег фактом всеобщих легкомыслия, пофигизма и забывчивости.

Она прошлась по кабинетам с конвертом и снарядила Славика за цветами, тортами и подарком.

Слова «У ИТД день рождения!», повторявшиеся и передававшиеся из уст в уста, заставили отдельных индивидуумов совершить самостоятельные путешествия в близлежащий цветочный магазин за гвоздичками, хризантемами и фрезиями.

В результате паники, беготни и суеты проблема в конце концов была решена.

Проинструментированный и откомандированный Славик вернулся с набором из: а) букета белых гвоздик (ни в коем случае не роз, потому что они сразу загнутся), б) торжественной неаляповатой, без пошлого текста, солидной классической с белыми же гвоздиками открытки, в) двумя большими тортами с минимальным количеством крема (ибо все и так на диете) и внимательно изученным сроком годности, г) вазой из богемского хрустала для больших букетов, красивой (надо же что-то подарить, а такого Игорю Тимофеевичу ещё никогда не дарили, и в хозяйстве пригодится).

С чувством облегчения Славик сбыл добычу в руки Наденьке и тотчас был отправлен в «конференц-зал», как именовался самый большой кабинет в офисе, сдвигать столы, расставлять стулья и посуду.

А Наденька и оставившая пост Эллочка с ресепшена пошли заниматься кулинарными манипуляциями, нарезкой продуктов и раскладыванием угощений по тарелкам, поскольку получили от прибывшего Игоря Тимофеевича два объёмных пакета с напутственной фразой «Ну, девочки, ну, вы сами знаете!»

К положенному часу коллектив прибыл к столу.

После того, как все выстроились и Наденька произнесла торжественный спич с вручением подарка, наступил момент «kiss and cry» («поцелуев и слёз», как в коллективе, вспоминая околоспортивную терминологию, именовали процесс личных поздравлений), к виновнику праздника направился ручеек дам со своими индивидуальными растениями.

От Игоря Тимофеевича на всю округу грубо и одурающе разило одеколоном, забивавшим все изящные изыски тонких дамских французских парфюмов. По сложившейся офисной традиции коллеги торжественно, втайне морщась и незаметно задерживая дыхание, перецеловали именинника. Тот принял знаки внимания вместе с цветами, извлёк из кармана носовой платок, обстоятельно вытер вымазанные разного цвета помадой щёки, после чего осмотрел платок, прошептал в угол и выбросил его в мусорник.

– Ну-ну! – ехидно пропела Наденька на ушко Эллочке.

– Девушки, как бы тут цветочки в воду поставить? – требовательно-вопросительно обратился к ним именинник, поглядывая на ряд вазочек, стоявших на подоконнике в ожидании заполнения.

– А вы сначала подарок посмотрите, – хитро посоветовала ему Эллочка.

Игорь Тимофеевич поставил большую тёмно-синюю коробку на стол и принялся открывать её, долго развязывая толстыми неловкими пальцами белый бант.

– Может, ножницы дать? – предложила было сострадательная Эллочка, сделав шаг к письменному столу, избежавшему участи сдвигания в ряд.

– Нельзя! – остановил её порыв именинник. – Ничего нельзя резать, надо только развязывать. Традиция!

Он воздел руку вверх и витиевато-загадочно пошевелил пальцами.

Коллектив терпеливо ждал окончания нелёгкого ритуального процесса, сопровождавшегося поворачиванием головы в разные стороны, натужным сопением, тяжёлым кряхтением и даже высовыванием языка.

Под дружное «О-о-о!» Игорь Тимофеевич извлёк из коробки сверкавшую резными прозрачно-голубоватыми гранями вазу и оценивающе посмотрел на неё. В глазах его мелькнуло одобрение, и доселе волновавшаяся Наденька успокоилась.

– Надо воду набрать! – потребовал ИТД, мигом оценив предназначение дара.

Славик под его командирским взглядом взял вазу и побежал за водой.

– Ну, давайте садиться! – дал приказ Игорь Тимофеевич.

Вернулся Славик и водрузил покрытую переливавшимися капельками воды вазу на стол, сунув в неё самый большой, важный и главный белогвоздичный букет.

– Ну, куда ты её ставишь! – осёк его именинник.

– На стол, – оторопел Славик, не понимая, что такого предосудительного он делает.

– Здесь же еда-а-а! – поучительным тоном изрёк Игорь Тимофеевич. – На подоконник поставь! Ничего не понимают! Всему учить надо!

Коллектив, привыкший к бесцеремонности Игоря Тимофеевича, воспитанно промолчал.

– Ну, что? – обвёл ИТД взглядом коллег в преддверии благодарственной речи. – Спасибо за поздравления. Мне, дорогие мои...

И тут из кармана компьютерщика Миши раздалась грубая дребезжащая утренняя трель старинного будильника. Миша быстро вытащил мобильный телефон из кармана и хотел что-то тихо сказать в трубку, но был прерван резким окриком именинника:

– Нет! Ну я так не могу! Отключи немедленно! Невозможно! Не дадут слово сказать!

Миша затравленно нажал на кнопку и сунул телефон в карман.

Игорь Тимофеевич успокоился и с чувством собственного высокого достоинства оскорблённо продолжил прерванный спич:

– Спасибо за поздравления! – значимо повторил он. – Красивая ...э-э-э ...ваза! Да и вещь нужная! Не скрою – тронут вниманием! Мне очень приятно, когда подчинённые помнят, ценят и любят начальника! Что бы вы все без Игоря Тимофеевича делали? Никто ничего не знает и не умеет! Всё на Игоре Тимофеевиче! Игорь Тимофеевич подскажет, направит и научит! Ну, что? Давайте – угощайтесь!

Истомившийся, к тому часу уже голодный коллектив принялся за бутерброды и салатки.

– Это же надо было так родиться! – сказала Софья Яковлевна, стремясь завязать приличествующий теме мероприятия разговор. – В один день с самим Суворовым!

Она отмечала далеко не первый день рождения Игоря Тимофеевича и помнила редкий факт.

– Да, не хухры-мухры! – важно подтвердил именинник. – Это вообще месяц, когда рождаются самые гениальные люди! Одно только имя чего стоит – вдумайтесь – Александр Васильевич Суворов! Великий полководец!

Он произнёс это с таким пафосом, что все с уважением посмотрели на его осанистую фигуру, словно перед ними сидел сам генералиссимус, виртуозно взявший Измаил и бравадно перешедший через Альпы.

– В этом месяце и Пожарский родился, и Калашников, и Стечкин, и Даль, и Таль! – продолжал перечислять громкие имена красный и гордый ИТД.

– Да, Игорь Тимофеевич! Вам бы тоже надо было генералом стать! У вас явный милитаристский уклон! – пошутила Софья Яковлевна.

Но именинник строго взглянул на неё.

– Что значит «милитаристский»? – нервно спросил он. – Что это за слово вы такое говорите, Софья Яковлевна! «Милитаристский»! Что за шутки такие неуместные? Люди судьбы свои положили! Всё отдавали! В веках прославились! А вы – «милитаристский»!

Софья Яковлевна, вспомнив об отсутствии чувства юмора у именинника, прикусила язык.

– «Милитаристский»! – не мог успокоиться тот. – Да что бы с нами всеми было, и где бы мы все были, если бы не эти люди!

– Да я ничего такого не сказала, – начала оправдываться Софья Яковлевна, – так, к слову пришлось.

– А вот не надо «к слову»! Надо все слова взвешивать!

Над столом повисла неприятная тишина.

И тут за окном из-за набухших тёмных туч выглянул, словно прибежав на помощь, солнечный лучик. Комната сразу засияла, цветы заулыбались, хрустальная ваза заиграла резными переливами, а коллектив оживился и посветлел лицами.

– Ой, – радостно ухватилась за возможность замять инцидент и переменить тему Наденька, – солнышко! Дождь кончился!

– Да, солнышко! – не замечая её намеренно дурацких детских интонаций, подобрел и переключился именинник.

– Какая у вас рыбка вкусная! – поддержала Наденькин порыв бухгалтер Инна Павловна. – Сами солили?

– Сам! Сам! – сказал Игорь Тимофеевич. – Я рыбу солю только сам! И покупаю тоже! Разве такое можно кому-то доверить? Особенно женщинам! Всё испортят!

Он строго окинул взглядом в основном дамский коллектив:

– Всем попробовать!

Коллеги вежливо попробовали рыбку.

– Это форель? – спросила Наденька.

– Ну какая же это форель?! Это лососина! Она светлее! Стыдно не знать! – укорил её ИТД.

– А сейчас не разберёшь! – легкомысленно бросила Наденька. – Чем её кормят, такого она и цвета.

– Знать надо! Вот и разберёшь! – наставительно произнёс Игорь Тимофеевич.

Разговор плохо клеился. К тому же изголодавшийся к обеду коллектив увлечённо уничтожал закуски. Процесс шёл весьма активно.

Постепенно дело дошло до чаепития.

– Кто будет резать тортики? – вопросительно взглянула на коллег Наденька.

– Порежь ты! – скомандовал Игорь Тимофеевич. – Только нож холодной водой намочи! А то всё прилипнет или раскрошится!

К концу трапезы именинник вспомнил о подарке.

– Красивая ваза, – удовлетворённо констатировал он, глядя на подоконник, уставленный цветами. – Сколько стоила?

– Не знаю, – уклончиво ответила Наденька, – зачем вам это?

– Нет! Ты скажи! Я же должен быть в курсе! – требовательно попросил Игорь Тимофеевич.

– Как раз и не должны! – заупрямилась Наденька. – Славик покупал. У него и спрашивайте!

Славик в это время о чём-то увлечённо разговаривал с компьютерщиком Мишей, не замечая устремившихся на него любопытных взглядов.

– Алё! Курьер! – закричала ему на другой конец стола Наденька. – Сколько ваза стоила? Тут товарищ интересуется!

Славик беспечно назвал сумму.

Услышав цифру, ИТД переменился в лице.

– Нет! Ну ничего без начальства сделать не могут! – начал сокрушаться он. – Где ты её взял?

Славик оторопело назвал торговый центр.

– Нашёл, где покупки делать! – нервно всплеснул руками Игорь Тимофеевич.

– А что тут такого? – недоумённо и непочтительно поинтересовался Славик.

– Как дитя малое! – воскликнул ИТД. – «Что тут такого?» Рядом! Почти рядом! В десяти минутах езды есть нормальный магазин! Там такая ваза в два раза дешевле стоит! Я там вчера с женой был! Видел! Точно такая же ваза! Даже лучше! И дешевле!

– Ну, извините, – не выдержал бедный Славик, – в следующий раз я вас с собой возьму!

– А цветы? – не мог унять констатировавший полную непрактичность молодых коллег ИТД. – А цветы где брал?

– В цветочном магазине, – ехидным тоном ответил легкомысленный Славик.

– Так я и знал! – по-бабьи запричитал ИТД. – На рынке! На рынке надо цветы покупать! Ничего не знают – ни жизни, ни денег!

Он хотел было начать выяснять цену букета, но грозу предотвратила посмотревшая на часы и ахнувшая Софья Яковлевна:

– У меня же клиент! Спасибо, Игорь Тимофеевич! С днём рождения! Убегаю!

Вслед за ней стали подниматься из-за стола и другие сотрудники и с очередными поздравлениями и словами благодарности облегчённо начали покидать «конференц-зал».

– Спасибо! Благодарю! – величаво отвечал на их дежурные фразы именинник.

Когда помещение почти опустело, он обратился к Наденьке и Эллочке:

– Девочки! Ну, вы понимаете – это всё надо убрать и привести в порядок. Цветы – ко мне в кабинет!

– Славик! – крикнула Наденька. – Цветы отнеси!

Вернувшийся из коридора Славик, втайне мечтавая нечаянно выронить тяжёлую скользкую вазу из рук, отнёс её в кабинет Игоря Тимофеевича.

Ода бетономешалке

Лучшая бетономешалка – это та, которая позволяет производить максимальное количество качественного бетона с минимальными затратами на энергию и эксплуатационное обслуживание.

Статья из Интернета

Практически всю ночь Аня вычитывала статью про бетономешалки. Статья была ужасно нудной. К тому же это был топорный и грубый перевод, сделанный компьютером, наспех местами подправленный и присланный ей по электронной почте как корректору и литературному редактору для спешной правки.

Бетономешалки всех видов, типов и конфигураций прыгали со строки на строку, представлялись разными техническими вариантами и модификациями, жужжали, урчали, гремели и рокотали, перемешивая раствор.

К утру работу надо было сделать. Двадцать страниц убористого технического текста двенадцатым шрифтом на мониторе угнетали и размалывали уставшие за день и ночь работы мозги и глаза.

Просидев с ними (и это после рабочего дня!) с девяти вечера до трёх ночи, Аня перестала адекватно воспринимать реальность. Весь мир начал представляться ей огромной бетономешалкой. А конструкции фраз, которые пришлось переделывать, придавая им читабельный и удобоваримый вид, перестали восприниматься откровенно безграмотными. Однако Аня наконец справилась с текстом, уничтожив все грамматические, пунктуационные и стилистические ошибки, и с чувством удовлетворения от хорошо и добросовестно сделанной в муках работы отправила статью заказчику и пошла в душ, а потом в постель спать.

Уснула она не сразу. Разгорячённый усталый мозг всё время воспроизводил какие-то вопиюще бездарные обрывки фраз и рисовал бесконечные крутящиеся и вертящиеся ёмкости, перемешивающие раствор и бетон, мешалки непрерывного действия и порционные, а также гравитационные, лопастные и с вращающимися барабанами. И никак не мог успокоиться и отвлечься от напряжённой работы.

Через час Ане удалось избавиться от наваждения, и она уснула в предчувствии субботы. Выходного дня, когда ей наконец-то удастся выспаться и отдохнуть от бетономешалок, кремов, лекарств, посуды, полезных приправ, садовой мебели, лаков, красок, бассейнов и прочих товаров и продуктов из зазывно-рекламных текстов, которые ей приходилось вычитывать и править, править, править.

В определённый момент она даже начала чувствовать себя неким механизмом – устройством для вычитывания, агрегатом, который читает и исправляет, читает и исправляет. Или машиной по вылавливанию «блох» из текстов – крупных и мелких, смешных, грубых и нелепых ошибок, ляпов и опечаток. Или большой утробно чавкающей бетономешалкой, перемешивающей тексты и доводящей их до необходимой кондиции. Или чопорным дотошным цензором с лозунгом на стене: «Следить и не допускать!»

Спала она безмятежно и без сновидений, зная, что в субботу утром муж встанет первым, приоткроет пошире окно, впустив свежий воздух из утреннего яблоневого дачного сада, закроет дверь в спальню, накормит дочек и, тихо-тихо приговаривая: «Не будем шуметь, пусть мама отдохнёт, она всю ночь работала», соберёт девочек, закроет входную дверь на ключ и уйдёт с Оленькой и Верочкой на пляж к морю, где они будут играть в мячик и строить витиеватые замки из песка.

А она, уставшая вымотанная мама, получит возможность беззаботно и сладко выспаться, о чём мечтала всю последнюю неделю, читая и правя по ночам всякую рекламную чушь про бетономешалки, маргарины, подъёмные краны, туристические маршруты и прекрасные новые квартиры с невиданной доселе планировкой.

Помимо корректорской работы в дамском журнале, она ещё и правила статьи для разных сайтов в Интернете.

Утром сквозь сон Аня, конечно, слышала и пиццанье микроволновки, и содержательные беседы за завтраком, и рассказанное старшей Олей стихотворение «Мама спит, она устала, Ну и я играть не стала», и весёлое шлёпанье маленьких босых детских ножек по коридору, и скрип приоткрываемой в спальню двери, и любопытное важно-озабоченное, произнесённое громким шёпотом «Т-с-с! Ты куда? Мама спит!», и нечаянное хлопанье подхваченной сквозняком всё той же несчастной двери, и испуганное, вызванное неожиданным резким стуком громкое «Ой!».

Она и спала, и не спала, слушая, как в коридоре разыскивают Олину панамку с жёлтыми бабочками, как Вера с натужным пыхтеньем застёгивает сандалики, как звенят ключи, как закрывается входная дверь за мужем и дочками.

А потом Аня погрузилась в благодный утренний сон, приносящий долгожданный и счастливый отдых, блаженное изнеможение.

Однако счастье её было недолгим. Потому что минут через двадцать где-то на кухне зазвучала мелодия её мобильного телефона. Аня проснулась и, как зомби, в полудремоте и с полузакрытыми глазами пошла на кухню. Схватить весело подтанцовывающий мелодии телефон она, конечно, не успела. К моменту контакта с хозяйкой тот уже замолчал.

Аня сквозь почти сомкнутые ресницы посмотрела на экран, увидела незнакомые цифры, успокоилась, что это не муж и не близкие, которые в такой час по выходным старались её не тревожить, и, взяв прибор, отправилась с ним обратно в спальню, решив перезвонить на выветившийся номер попозже и боясь расплескать сон, в который рассчитывала опять немедленно погрузиться. Телефон молчал. Аня положила его на тумбочку рядом с кроватью и легла, и закрыла глаза, и снова предалась утреннему релаксу, и незаметно отключилась, и уснула.

Через полчаса она была разбужена вновь, резко, безжалостно и требовательно.

Аня протянула руку, поднесла телефон к уху и, стараясь спрятать сонные нотки и придать голосу бодрость и свежесть, сказала: «Алло!».

– Анна Александровна! – услышала она.

Голос был незнакомым.

– Да, – вопросительно-утвердительно ответила Аня, разочарованно-грустно глядя на часы и понимая, что выспаться ей так и не дали.

– Анна Александровна, здравствуйте! – требовательно сказал голос.

– Доброе утро, – произнесла она.

– Так уже де-е-ень! – укоризненно и категорично заявили в трубке.

Аня наконец-то узнала новую соседку по даче, которой зачем-то, скорее, из вежливости недавно дала свою визитку.

Она ещё раз с сожалением посмотрела на часы, и ей стало стыдно, что десять часов и каких-то несчастных двадцать минут – это для неё ещё утро, а для кого-то уже день. И что кто-то уже, не покладая рук, в поте лица, аки пчела, в поле, у станка, у мартена, за швейной машинкой, у сковороды, за рулём, у монитора, в торговом зале, на границе в дозоре, возле операционного стола, а она, лежебока, всё ещё в постели.

«Так сегодня же выходной», – вспомнила она.

Разыгравшиеся было угрызения совести несколько приутихли.

– Анна Александровна! Вы вчера сказали, что работаете в журнале «N»! – продолжал голос.

Собеседница говорила внушительно, властно и медленно, словно вспоминая и с трудом подбирая слова. Каждый произнесённый ею звук казался очень весомым, важным и значимым.

«Говорит, как будто свай забивает», – подумала Аня в ожидании узнать, ради чего её всё-таки так грубо и безжалостно разбудили в субботу.

– Да, – мысленно ругая себя за открытость и общительность, в предчувствии недоброго подтвердила Аня.

Интуиция не обманула её.

– Я, знаете ли, – с обстоятельными интонациями начала соседка, – не люблю дамских журналов!

Собеседница словно крикнула на последнем слове и сделала многозначительную паузу.

«Ну, начинается!» – с ужасом подумала Аня и упруго потянулась, ожидая, пока Мила Борисовна соберётся с мыслями, и наблюдая, как развеваются шторы у раскрытого окна.

– Но ваш вчера прочитала.

– Очень приятно, – не нашла ничего иного для ответа Аня, осознавая, что они с собеседницей говорят и думают с разной скоростью.

Мила Борисовна изъяснялась медленно, долго подбирая слова, делала большие паузы между фразами и в целом раза в три отставала от Ани, так что разговор обещал быть затяжным.

– Знаете, мне он не по-нра-вил-ся! – по складам сказала соседка.

«Ну и что? – быстро прокомментировала про себя Аня. – И стоило ради этого будить человека?»

– Особенно вот тут...

Последовала очередная пауза, во время которой Аня наблюдала, как правая штора неспешно надувается большим пузырьком, и слушала шелест страниц.

– ...статья на двенадцатой странице, – закончила наконец фразу Мила Борисовна.

Аня не помнила, что у них было в этом номере ни на двенадцатой, ни на десятой, ни на двадцать первой странице. Но, тем не менее, воспитанно спросила:

– И что вам там, Мила Борисовна, не понравилось?

– Да это же ужас! – весомо заволновалась трубка. – Кто это у вас такую чушь порет? Надеюсь, не вы?

Ане не хотелось пускаться в дискуссии, но всё-таки она сочла нужным поинтересоваться:

– А что это за статья?

– Про моду! – возмущённо сказала трубка. – Вы посмотрите, какой кошмар! Разве это можно носить?!

«Н-н-да», – мысленно произнесла Аня и вслух успокаивающе пояснила:

– Это репортаж с подиума, ничего не поделаешь, мода такая.

Страницы опять зашелестели. Штору «втянуло» в оконный проём.

– А вот на двадцать четвёртой странице! Про тыкву!

– И что вам не понравилось? – спросила Аня.

– Ненавижу я эту тыкву! Меня от неё тошнит! – важно изрекла трубка. – С детства! Гадость какая! Э-э-э... Зачем об этом писать?!

– Ну, так не читайте! – посоветовала Аня, думая о том, как бы поскорее закончить разговор.

– Не читайте... – проворчала трубка.

Страницы опять зашелестели. Аня почувствовала, что телефон прижали ухом к плечу, потому что голос как-то изменился и в нём появились тянущиеся нотки.

– А вот тут на пятой странице у вас ошибка! Сокращено слово «миллион». «Млн» – и без точки! Вы ведь корректор! О чём вы думаете? Точка нужна, я помню! У меня в школе пятёрка была по русскому языку!

– Не нужна там точка, – устало сказала Аня.

– Это почему это? – возмутился голос.

– Правила изменились. В 2008 году. Теперь и миллионы, и миллиарды в сокращениях без точек пишут.

– Кошмар какой! – ахнула собеседница. – И какой дурак это придумал?

– Институт русского языка Российской академии наук, – охотно пояснила Аня, наслаждаясь эффектом.

– Нет, ну вы подумайте! – оскорблённо и, словно произнося речь с трибуны, изрекла Мила Борисовна. – Академия наук! Как пали нравы!

Ане не хотелось спозаранку пускаться в праздные беседы на профессиональные темы с умничающим дилетантом, и она лишь поддакнула:

– Да-да, это, конечно, непривычно. Но, вы понимаете, правила лишь закрепляют установившуюся и утвердившуюся норму.

– Да идиоты они все! – продолжила негодовать трубка. – Круглые идиоты! Говорят, теперь и «кофе» оно!

– Вы только не волнуйтесь!

– Да как же тут не волноваться!

– Ну, если хотите, можете по-прежнему говорить в мужском роде, – разрешила Аня, – этого никто не отменял.

– Конечно, в мужском! – настойчиво заявила Мила Борисовна. – У нас в школе учительница была по русскому языку, Фаина Фёдоровна, так вот она однажды мне двойку за это вlepила и заставила пятьдесят раз переписать «горячий кофе»! Понимаете? «Горячий»!

Но измученная Аня поняла только, что дискуссия принимает затяжной характер и если её не прекратить немедленно, то придётся выслушать всё, чему соседку научили в средней школе.

От навязчивого голоса Ане стало очень неудобно и скучно.

В её воображении как-то сама собой предстала грузовая машина с полосатой бело-зелёной бетономешалкой. Аня почувствовала, что даже заскучала-затосковала по ней.

– Вы меня извините, Мила Борисовна, я сейчас очень занята, – словно оправдываясь, промямлила она.

– Хорошо-хорошо, я вам попозже перезвоню, – сменив тон, любезно согласилась собеседница.

Аня с облегчением нажала на кнопку, отложила телефон, повернулась на бок и закрыла глаза. В голове была каша: раздражённая Мила Борисовна, грозная Фаина Фёдоровна, большая оранжевая тыква, исписанный детским угловатым почерком тетрадный листок, манекенщица в зелёном платье с красным жакетом, «Полный академический справочник Российской академии наук» за 2008 год. В голове звучал возмущённый каркающий голос. Аня попыталась вспомнить что-нибудь приятное, в сознании почему-то всплыл текст про бетономешалки. Она невольно улыбнулась, повернулась на другой бок, поудобнее положила голову на подушку и опять неожиданно окунулась в сладкий утренний сон.

Проснулась она через час. Выспавшейся и умиротворённой. В комнату сквозь успокоившиеся шторы пробивались солнечные лучи. Было тихо. В отдохнувшей голове вертелся обрывок хорошего сна – тёплое море, набегающие волны. Аня ещё некоторое время нежилась в постели, разглядывая комнату.

«Как хорошо-то! – подумала она. – Никаких бетономешалок!»

И тут снова зазвонил телефон. Аня взяла трубку.

– Анна Александровна! Дорогая! Это опять я! – сказала трубка голосом Милы Борисовны. – Ну, как? Все дела сделали?

– Почти, – благостно и умиротворённо отозвалась Аня.

– Мне срочно нужно с вами поговорить! Я к вам зайду. Вы ведь не откажете? – требовательным и делающим собеседника виновным во всех грехах голосом сказала соседка.

– Конечно, заходите, – мысленно ругая себя за интеллигентность и воспитанность, радушно ответила Аня, прикидывая, на какое время назначить встречу.

– Ну, так я сейчас зайду! – многообещающе изрекла Мила Борисовна.

– Э-э-э, – начала было соображать Аня, придумывая причину переноса randevu.

– Я сейчас, только переоденусь. Не беспокойтесь.

– Ми... – только и успела жалобно пискнуть Аня.

Но Мила Борисовна уже отключилась.

Перезванивать было невежливо, раздумывать – некогда. Аня вскочила с кровати, быстро стянула ночную рубашку, надела халат, решительно закрыла дверь в спальню с незастеленной постелью, добежала до ванной комнаты, успела умыться, понимая, что ни почистить зубы, ни хотя бы сунуть в рот жвачку уже не успеет.

Тему срочной беседы она себе даже не представляла.

«Если человеку надо немедленно сей же час поговорить, значит, что-то произошло», – думала она, будучи готовой немедленно прийти на помощь.

С Милой Борисовной они были едва знакомы, но столкнулись на прошлой неделе, выйдя из автобуса и вместе дойдя до дачи. Тогда-то Ане и пришлось невольно огласить свои профессиональную принадлежность и место работы.

– Что это у вас за журнал? – поинтересовалась тогда соседка.

– «N», – скромно сказала Аня, державшая в руках «ещё тёплый», только что полученный из типографии плод собственных трудов.

– Я такой не знаю. Можно посмотреть? – любопытствовала Мила Борисовна.

– Смотрите, – протянула ей Аня пахнувший свежей краской ещё толком не просмотренный номер.

Мила Борисовна полистала издание.

– Интересный? – строгим оценивающим голосом спросила она. – Что здесь можно поччитать?

– Взгляните сами! Здесь разные статьи, – сказала Аня.

– Глянец! – пренебрежительно-презрительно фыркнула соседка. – И что вы всё-таки посоветуете?

– Посмотрите, – пожала плечами Аня.

– А для чего же вы его покупаете, если не знаете, что в нём будете читать? – пылливо-инквизиторски взглянула на Аню из-под очков Мила Борисовна.

– Я его не покупаю, – пришлось признаться той, – я его делаю.

В дверь начали то ли скрести, то ли стучать – звонок не работал. Аня провела щёткой по волосам, взглянула на себя в зеркало и пошла открывать.

– Что это у вас звонок не работает? – с требовательным вопросом появилась в дверях Мила Борисовна.

В глазах у Ани начало рябить от ярких пурпурных и жёлтых роз на белом сарафане гостыи.

– Здравствуйте! – сказала воспитанная Аня.

– Да здоровались уже, – произнесла Мила Борисовна, переступила порог, остановилась и принялась с любопытством оглядывать коридор, – и сколько вы за это платите? Надо же, даже звонок не работает!

– Как обычно. Мы каждое лето здесь проводим уже много лет.

Ане не хотелось озвучивать никаких цифр.

– А с меня хозяин дерёт! Ободрал как липку! – возмущённо почти завопила Мила Борисовна. – Крохобор какой-то! Ненавижу его!

– Да что вы! Очень милый человек. Мы с ним уже давно знакомы. И с удовольствием каждое лето здесь проводим. Он нам даже скидку делает, – попыталась восстановить попорченную справедливость Аня.

– Всё равно дурак! Да ещё звонок не работает! Что он, починить не может? – Мила Борисовна даже дверь принялась ощупывать, словно проверяя её на прочность.

– Да нам неактуально! Всё равно к нам никто не ходит! – легкомысленно отмахнулась Аня.

– А сами! Нет, он идиот! Вы должны потребовать, чтобы он звонок немедленно починил! Или пусть ещё скидку делает! Или съезжайте прямо сегодня! – соседка ленинским жестом устремила ладонь вперёд. – И получше квартиру на лето найти можно! Свет на нём клином не сошёлся!

– Пойдёмте чай пить! – сказала Аня, припоминая, что где-то в кухонном шкафчике должны лежать пачка печенья и шоколадка.

– Нет, нет! – запротестовала гостья, с нездоровым любопытством глядя на закрытую дверь в спальню и окидывая придирчиво-оценивающим взглядом Анин голубенький скромненький домашний халатик. – Я на минуточку!

– Пойдёмте хотя бы в комнату, там удобнее! – Аня подбородком указала направление в глубь квартиры.

– Нет, милочка, я никуда не пойду, я тороплюсь. Я буквально на секундочку! Поговорим здесь!

Мила Борисовна, стоя у входной двери, развернула принесённый номер журнала и с видом гончей собаки, преследующей зверя, принялась листать его.

– Вот скажите мне, дорогая моя, что это у вас за статья такая? – стукнула она костяшкой указательного пальца по раскрывшемуся развороту и показала его хозяйке.

Аня взглянула на подсунутый ей под нос журнал.

– Не знаю, – честно призналась она, – это реклама. Я этим в журнале не занимаюсь. А статью фирма предоставила, мы только грамматику и стилистику подправили.

– Ах, вот так, да? – соседка даже как-то деланно поклонилась.

– Вот так, Мила Борисовна! – беспомощно развела руками Аня.

– И что, у вас никто не знает, что же вы такое рекламируете? – гостья раздражённо похлопала по странице.

– Ну, крем. Вы же видите!

– И что, хороший крем? Вот тут написано, что морщины разглаживает, что эффект через месяц будет, – с недоверием сказала соседка.

– Да, они так пишут, – вздохнула Аня.

– Так не будет никакого эффекта! Всё это ложь! Ничего не будет! – голос Милы Борисовны даже слегка осип от напряжения.

– Понимаете, это только реклама, – принялась объяснять-оправдываться Аня. – Мы на это живём. Не будет рекламы, журнала не будет. Вся пресса так существует. Времена такие.

– Идиоты они все! Идиоты! Это я заплачу баснословные деньги за какой-то глупый тюбик или дурацкую баночку, а результата не будет! – продолжала громко возмущаться гостья.

– Ну, не покупайте! – миролюбиво нашла решение проблемы Аня.

– А зачем же вы печатаете? Зачем читателя в заблуждение вводите? Кто у вас главный редактор? – Мила Борисовна зачем-то выставила вперёд указательный палец, направив его Ане в грудь.

Та ошалело посмотрела на соседку, попяtilась и нашла в себе силы сказать:

– Там не последней странице всё написано.

– Я ему позвоню! Позвоню! – продолжая угрожающе тыкать в Аню пальцем, выпалила Мила Борисовна.

– Ну, звоните, – устало согласилась бедная Аня, опасливо отступая вправо, будто уклоняясь от готового выстрелить пальца-пистолета с ярко-малиновым лаком на длинном кривоватом ногте.

– Крем! Я купила недавно дорогущую баночку. В рекламном ролике по телевизору увидела. И клюнула! Так у меня такая аллергия началась!

Произнося фразы, Мила Борисовна энергично жестикулировала и помогала себе всем телом, опуская и поднимая руки, сгибая колени и даже приподнимаясь слегка на цыпочки. Цветы на сарафане двигались вместе с ней.

Аня с тоской вспомнила про бетономешалки. Они стали представляться ей сказочными и волшебными.

– Пойдёмте всё-таки чай пить, – попыталась она переключить собеседницу.

– Нет! Не хочу я вашего чая! Я только что кофе напилась! – возмущённо отозвалась та.

– Ну, как хотите, – согласилась Аня.

– А журнал ваш – дрянь! Хоть и блестит! Как редактора зовут? – Мила Борисовна слегка прищурила глаза, собрала в мелкие складочки лоб и выдвинула подбородок вперёд, заинтересованно ожидая ответа.

– Там написано, на последней странице. И телефон тоже есть, – издевательски сказала начавшая терять последние капли терпения Аня.

Мила Борисовна принялась внимательно разглядывать страницу с выходными данными.

– НаТАлья Иванова, – прочитала она, сделав смысловое ударение на слог «та», словно гвоздь в стенку забила, и задумалась.

Ане показалось, что она даже шлепок-удар на этом «ТА» услышала.

– А как её по отчеству? – продолжала собеседница.

– Не знаю, – простодушно ответила Аня.

– Как же так? – театрально ахнула, всплеснув руками, Мила Борисовна. – Что это вы начальство по отчеству не знаете?

– Не принято. Теперь по отчеству никого не зовут. Времена изменились. Да и не в России живём.

– Времена, дорогуша Анна Александровна, – наставительно-нравоучительно изрекла соседка, – всегда одинаковые. И если у вас папа Александр, значит, вы Александровна. Я вот не поленилась вашим отчеством поинтересоваться! И запомнить!

– Безусловно, вы правы. Спасибо. Но не принято. К тому же в прессе. Да и весь мир так живёт, вся Европа, – словно оправдываясь за бедную провинившуюся Европу, сказала Аня и пожалала плечами.

– Ну и идиоты они все! Попробовал бы меня в мои времена кто-то из подчинённых назвать по имени и без отчества! Как же можно не знать отчества начальства? Эта ваша, как её?

– Наталья.

– Да... Наталья, – Мила Борисовна подумала, выискивая определение. Но от натуги вдруг забыла, что хотела сказать дальше.

Иголочка на её старинном проигрывателе попала в ту же бороздку, и пластинка принялась настойчиво твердить всё те же слова:

– Дура она у вас! Идиотка! Это подумать только, подчинённые отчества её не знают.

Мила Борисовна попыталась собрать рассыпавшиеся в порыве гнева мысли, не нашла концов, подумала и, не выдержав напряжения, бросила это занятие. Аня переминалась с ноги на ногу в ожидании конца визита.

– Ладно, пойду я, – решила наконец гостя.

Она степенно-неторопливо открыла дверь, постояла и, не прощаясь, вышла, оставив после себя стойкий резкий и едкий запах духов.

У Ани остался осадок отвращения и появилось чувство, что она выкупалась в грязной луже. Она передёрнула плечами и дала себе слово впредь избегать встреч с соседкой. Потом повернула ключ в замке, облегчённо вздохнула и с наслаждением представила себе большую жёлтую машину с вращающейся ёмкостью для перемешивания бетона.

Умытое утро

*Солнце дымное встает,
Будет день горячий.*

А. Т. Твардовский
«Страна Муравия»

Хорошее июльское утро где-то посреди российского Черноземья. Ещё лежат длинные тёмные тени на яркой густой сочной зелёной и покрытой росой траве. Ещё не обжигают солнечные лучи, тепло и бережно касаясь растений и предметов, но обещая стать неумолимо горячими через несколько часов. Безветрие и умиротворение царят во всём мире. И шар земной вертится вокруг солнца, суля совсем скоро жаркий день, палящие и безжалостно пригвождающие к земле лучи и духоту, и жгучую жару, и изматывающий зной. А пока мир тихо выполняет из короткой ночной передышки, из щадящего прохладного покоя, из благостного, словно вздох облегчения, отдыха.

Покрытая тёплой мягкой и даже какой-то ласковой в своих нежных прикосновениях мелкой чернозёмной пылью дорога.

Сельский асфальт тем и похож на асфальт, что он твёрдый. А сверху эта твёрдая плоскость покрыта слоем лёгкой и уютно-обволакивающей пыли.

Незаделанные рытвины, щебёнка, следы недавно прошедшего в луга стада, оставленные в той же пыли продукты жизнедеятельности.

Небо высокое и лазоревое. Ни облачка – сплошная бездонная нескончаемая и прозрачная синь, синь и синь.

Ничто не шелохнётся.

Умытое утро, притихшие и застывшие деревья, тянущаяся к солнечным лучам трава, незатейливые белые, жёлтые, голубые головки полевых цветов в ней.

Воробьи громко, скандально и жизнерадостно щебечут, выясняя отношения, суется и копошась, невидимые в кронах высоких гордых растущих с одной стороны дороги тополей с наполовину побелёнными стволами.

Ухоженные дома с лелеемыми палисадниками, источающими запах роскошных белых и фиолетово-розовых флоксов, с выющимися бордово-красными и белыми розами и ярко-жёлтыми золотыми шарами. Напротив домов по обе стороны дороги – изумрудно-зелёные искрящиеся на солнце лужайки.

Посреди деревни у самого пруда, заросшего вёслами так, что его и не видно, перекрёсток – одна дорога идёт на Соловьёвку, другая – на Пироговку, главная же ровной стрелой прочёркивает всю деревню и ведёт к шоссе, что пролегает километрах в двух от посёлка, среди золотых с тяжёлыми колосьями полей.

У того же перекрёстка – хорошо укатанная и утрамбованная площадка, ещё закрытый магазин из белого кирпича. Перед его большими стеклянными витринами-окнами – выкрашенные белой краской шины-клумбы с ярко-оранжевыми ноготками. На магазине – синий пластиковый полукруглый козырёк телефона, по которому никто никогда не звонил по той простой причине, что он никогда не работал.

С другой стороны дороги – автобусная остановка – железная будка, выкрашенная нежно-голубой краской.

Напротив неё – лужайка, по которой ходит длинноногая стройная пёстро-серая озабоченная индюшка с выводком уже подросших и оперившихся детей, шустро и увлечённо выискивающих что-то в траве.

Рядом с будкой у дороги стоит несколько человек в ожидании автобуса.

– Лю-усть? На автостанцию не звонила? Как там автобус-то? – спохватывается полная женщина в белой лёгкой блузке, рядом с которой стоит белое же, словно в тон подобранное, пластиковое ведро с жёлтой крышкой.

– Вышел-вышел! – низким глубоким голосом зычно откликается Люся.

– А то вчера не было, сломался. На большак пришлось идти, – сообщает белая женщина с белым ведром.

– На Соловьёвку пошёл, я видела, – скромно говорит девушка с аккуратно и мастерски покрашенными с утра пораньше глазами – тончайшая филигранная обводка, чёрные длинные густые ресницы, делающие светлые серые и ясные глаза похожими на удивлённые распахнутые ромашки. Обладательница их свежа и волшебна в своём лёгком и открытом воздушном сарафанчике.

– Давно пошёл-то? – пытается её уже вспотевшая от утренних дел женщина с ведром, собравшаяся в город на рынок продать скопившиеся в хозяйстве яйца.

– Да минут десять уж, тётъ Зой, – откликается шифоновый светленький сарафанчик.

– А потом на Пироговку! – сокрушённо восклицает тётъ Зоя. – Пока всех соберёт, тут слюной изойдёшь!

– Пошли на большак! Там рогожинский автобус через полчаса будет, – подхватывает Люся.

– Да ладно! – поёт сочным грудным контральто тётъ Зоя, косясь на своё ведро. – В нём народищу! Сегодня – базарный день, все в город едут. Здесь хоть сядешь!

– Нет, я обратно на рогожинском, – раздумчиво говорит Люся, – быстро! А этот – пока народ по всем деревням соберёт! Да ещё сломается где-нибудь!

Общество дружно смотрит в сторону соловьёвского просёлка в ожидании автобуса.

По главной дороге хозяйской походкой идёт в меру упитанная женщина в красном платье, с хорошо уложенными и покрытыми основательным слоем лака белыми недавно подстриженными и свежеевыкрашенными волосами, составляющими выверенную причёску – прядь к пряди, волосок к волоску. В левой руке у неё белая модная сумка с крупной золочёной блямбой-загогулиной. Женщина неспешно подходит к остановке.

– Здравствуйте, – с почтением приветствуют местную власть ожидающие автобуса односельчане.

– Доброе утро! – как-то официально откликается «власть» и придирчивым взглядом осматривает остановку и магазин.

– А что, Наталья Иванна, – обращается к ней женщина с ведром, – когда собак-то привязывать начнут?

– Так их привязывают! – немедленно энергично откликается Наталья Иванна. – Администрация на той неделе приказ издала, я его подписала! Вон – и на магазине висит, и на остановке! Посмотрите, Зой Сергевна!

– Виси-ит! – укоризненно говорит или по природной привычке трубит-поёт Зой Сергевна. – А собаки бегают! Как хотят! У соседки моей внуки из Москвы приехали, так девочку так напугали – она теперь со двора не выходит. У Васильчиковых такой монстр!

– Да, – поддерживает её Люся, – прям собака Баскервиллей какая-то!

– Она не кусается, она охотничья, – вставляет своё слово курящий в сторонке коричневый от загара худой мужичонка.

– Охотничья! Да на неё взглянешь – уже плохо становится. А она по всей деревне гуляет, – говорит громогласная беззастенчивая и словоохотливая Зой Сергевна с ведром.

– Говорила! Говорила я Васильчиковым, – настойчиво и убедительно изрекает похожая в своём красном платье на родину-мать Наталья Иванна, – они её теперь запирают.

– Запира-ают, – напевно и укоризненно тянет-поёт Зой Сергевна, напряжённо и ожидающе поглядывая в сторону соловьёвской дороги, – а она у них в сарае воеет. У меня аж мороз по коже!

Тут из-за магазина выбегает стая разнокалиберных собак. Впереди – небольшая белая шавка, за ней – тот самый охотничий пятнистый с тяжёлыми лапами Баскервилль-монстр, за ним – крупный чёрно-белый барбос с поднятым перпендикулярно туловищу огромным пушистым хвостом, уклеенным множеством навязших в нём серо-сизых репейников и униженным свисающими колтунами сбившейся шерсти.

Наталь Иванна то ли не замечает процессии, то ли виртуозно делает вид, что та находится вне поля её зрения (собаки и вправду бегут где-то сбоку-сзади от неё). Но она лихо и ловко поворачивается к ним спиной и убеждающе говорит Зой Сергевне:

– Всех обяжали собак с улицы удалить – привязывать, запирать – как хотите! Приказ повесили! На магазине, на администрации, – не замечая абсурдности фразы говорит она и показывает рукой с сумочкой в сторону белеющей на будке бумажки, – на остановке, на клубе. Мил! На клубе-то висит ещё?

– Висит, – откликается воздушный с виду прохладный сарафанчик в мелкий сиреневато-фиолетовый цветочек.

– Висит! Я лично проверяю! – твердит Наталья Иванна и, сжав свободную от сумки руку в кулак, несколько раз ритмично тычет ею куда-то вниз, словно вбивая свои слова в дорогу.

– Так висит-то он, висит! А собаки бегают! – присоединяется тихим укоризненным басом Люся.

– Какие вы, женщины, – Наталья Иванна хочет подобрать определение, но не находит сразу точного слова, – придирчивые! Где ж бегают? Покажите!

Она как-то мастерски всё время поворачивается к своре спиной. Стайка собак притормаживает как раз на площадке у магазина и начинает бегать кругами. От соседнего дома к ним стремглав несётся ещё один весёлый и воодушевлённый рыжий, похожий на лису, пёсик.

Наталь Иванна, одержимо-победоносно поглядывая в глаза то Зой Сергевне, то Люсе, то Миле, продолжает разъяснять «политику партии», повторяясь по отдельным пунктам, но, однако, твёрдо, настойчиво и очень убедительно.

– Женщины! Администрация приказ издала, его до сведения жителей донесли, документ в общественных доступных местах висит, я сама его наличие проверяю, в личных беседах с населением мы всё время подчёркиваем, что необходимо собак привязывать! А то, что это такое! У Губаревых соседская овчарка девочку покусала! Куда это годится? Детей на территории поселения летом много! И маленьких, и больших! Они и на велосипедах ездят! А собаки за ними – прям гурьбой! Мы запретили! Строго!

– И штрафовать будете? – любознательно встречает мужичонка.

– Будем! А то нечто! – всплывает в речи Наталь Ивановны диалектное выражение.

Стайка у магазина весело и увлечённо тусуется, собаки озабоченно бегают друг за другом.

Мила в сарафанчике смотрит на них, время от времени взглядывая на сельское начальство, и улыбается, хлопая своими роскошными метёлками-ресницами.

Зой Сергевна и Люся глядят на «родину-мать», на панорамную сцену у неё за спиной и сосредоточенно и скрытно-иронично слушают.

– Автобус! – прозаично и обыденно прерывает агитационно-плакатное действие мужичонка, выбрасывая сигарету.

Автобус, вздымая клубы серо-сизой пыли, подъезжает к остановке, тормозит и открывает двери.

Из салона выходят два рыбака с удочками и садками.

– Что к нам-то? Своих карасей нет? – приветствует их мужичонка.

– У вас толще! – откликается тот, что постарше.

– Опять на бабкин валокордин ловить будете? – вступает в разговор Люся.
– Что, рассказала уже? – смеётся другой, тот, что помоложе.
– Да уж, встретила я её во вторник. Плачет бабка. Говорит – хватилась, а валокордина и нет. Всё зять повытаскивал – карасей на него ловит!
– Да она здоровей меня! Зачем ей валокордин? – оправдывается, задорно улыбаясь, бугай с удочкой.

Рыбаки удаляются в сторону пруда.

– Ну что, поехали? – обращается к потенциальным пассажирам молодой шофёр.
– В Пироговку, что ль? – с глубокими обертонами в напевно-мелодичном голосе откликается Зой Сергевна.

– Поезжай, Васятка, один, мы тебя тут подождём, – напутствует его Люся.

Вопрос был сугубо риторическим. Никто в Пироговку ехать не собирался – за дорогу надо платить, да и трястись в автобусе лишних пятнадцать минут не хочется. Лучше постоять не свежем воздухе в утренних приятных лучах и в нежной прохладе. Но ритуал разговора соблюдается.

– Ну, ждите! Скоро вернусь! – обещает Васятка и, глядя на Милу, добавляет по-английски: «I'll be back»¹.

Двери старенького автобуса со скрипом, лязгом и грохотом захлопываются, и он натужно пилит мимо магазина и пруда в сторону Пироговки, обгоняя рыбаков.

Присутствующие с коллективным вздохом провожают его взглядами. Автобус скрывается в облаке пыли за кустами.

Наталь Иванна, считая тему разговора исчерпанной и не видя необходимости продолжать разъяснительную работу, поворачивается и, не глядя в сторону магазина, идёт к зданию бывшего сельсовета, а ныне администрации, на работу.

Собаки прекращают свой бег по кругу и, словно по команде, весело и дружелюбно несутся вслед за ней по пыльно дымящейся под их лапами дороге.

Общество зачарованно смотрит вслед шествию, забыв про автобус.

День разгорается.

Вверху – бездонная синева.

Вокруг – тишь, покой и умиротворение.

Россия.

«Холст. Масло».

¹ Я вернусь (англ. яз.).

Бальзам

*Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...*

Н. А. Некрасов
«Железная дорога»

Дорога до Москвы из российской чернозёмной глубинки занимала пять часов.
Пять часов на скором поезде.
Пять часов после летнего месячного отпуска, после отдыха, после пребывания в родном доме.

После воспоминаний, смеха и балагурства.

После сладкого сна в саду в сени трёх высоких клёнов на сене под огромным звёздным августовским небом в начале семидесятых.

После шуток:

– Смотри! Спутник!

– Где?

– Да вон! На Кумарёвку пошёл! А дальше – на Лапоток.

Каждую ночь братья разглядывали космос и ждали, когда в этой бездонной чёрной бесконечности, усыпанной несметным количеством разнокалиберных звёзд, появится одна большая светящаяся точка и проследует на север – на Кумарёвку.

Но отпуск у обоих закончился. И они, переделав в родительском доме все необходимые работы, поклеив обоями комнату, напилев отцу с матерью гору дров, возвращались домой к своим семьям, младший – в Москву, а старший – в Ригу, где нёс «трудную службу» «вдали от России».

В свежей утренней прохладе сосед довёз их на пыльном зелёном грузовике до железнодорожной станции, где они с трудом взяли билеты в красном кирпичном здании вокзала. А потом ждали поезда у ног выкрашенного серебрянкой вождя мирового пролетариата, указывавшего вытянутой по обыкновению вперёд рукой на видневшийся вдалеке кусок родного поля, где отец убирал когда-то комбайном рожь, пшеницу и ячмень, а они подростками помогали ему.

Поле в лучах поднимавшегося яркого алого солнца было огромным, простираясь жёлто-золотым великолепием и ширию до самого горизонта. И там почти за самой кромкой между небом и землёй остался дом родной с яблоневым садом, кустами смородины, бревенчатым колодцем напротив окна и малинового цвета лазоревыми цветами, как в тех бунинских лесостепных местах называют мальвы.

Насмотревшись в преддверии годовой разлуки с разрывающей и ноющей тоской в сердце на родной пейзаж, братья дождались наконец поезда.

Людей в вагоне было много.

Несколько часов до Москвы по российским масштабам – пустяк, рукой подать.

А уж в начале семидесятых люди легко преодолевали это расстояние и ездили в столицу. Они её «кормили», работая на полях и фермах, и в неё вынуждены были ездить за покупками. В эпоху дефицита за любой ерундой надо было отправляться в Москву.

Братья нашли себе места в купе общего вагона и, переговариваясь, смотрели на мелькавшие за окном поля, овраги, перелески и речушки.

Ближе к Москве стали появляться залитые солнцем зелёные леса с ослепительно-белоствольными берёзами.

После того, как поезд пересёк границу Московской области, по вагонам пошли торговцы. Они воровато озирались и с озабоченным видом быстро предлагали пассажирам дефицитные товары.

Прошла организация «глухонемых».

Отрепённый торговец автоматически-деловито выложил на столики самодельную печатную продукцию – небольшие буклеты-фотографии – календари, травники, сонники.

От нечего делать братья пролистали их, посмеявшись над тем фактом, что увиденный во сне табурет сулит неминуемую тайную печаль.

От покупок они отказались и смотрели, как худой и неопрятный молчаливый индифферентный негодник собирал свой товар по столикам и складывал его обратно в хозяйственную сумку.

Вскоре после «глухонемого» в вагоне появился мало похожий на торговца пассажир в сером пиджаке. Идя по проходу и увидев двух молодых мужчин, он остановился.

– Рижский бальзам не желаете? – конфиденциально спросил он, распахивая полу пиджака и демонстрируя стильную керамическую коричневую бутылку.

Младший брат посмотрел на старшего – тот по сложившейся уже традиции привёз такую отцу в подарок.

Время в пути надо было скоротать, и старший брат из праздного любопытства поинтересовался:

– И сколько такая стоит?

Человек назвал цену, в десять раз превышавшую официальную.

«Ого!» – подумал старший и взглянул на младшего.

Обоим стало интересно. Да и почему не поболтать в пути?

– А что это такое? – просто включился в игру младший.

– А это напиток такой, – тотчас среагировал на спрос торговец.

– И что же такого в этом напитке, раз он столько стоит? – ещё проще поинтересовался старший.

– Это спиртной напиток, целебный, бальзамом называется, очень полезный, – с нотками снобизма и превосходства в голосе смерил его взглядом незнакомец.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака блестящую бутылку с сургучной пробкой и показал её потенциальным покупателям. Спекулянт почувствовал добычу. Объект был найден, оставалось только втюхать этим простакам бутылку. Заработок по тем временам был очень неплохим. Нужно всего-навсего как следует разрекламировать товар. Интерес уже разбужен, это торговец определил сразу.

– А чем же он так полезен, что столько стоит? – медленно и основательно разглядывая знакомые золотые буквы на чёрной этикетке, спросил старший.

– Это лекарство, очень редкая и дефицитная вещь, только в Риге продаётся, – напыжился продавец.

– А где же ты его взял-то, мил человек? – подал голос младший.

– Я рижанин, – изобразил на лице причастность к высшей расе попутчик.

– А сюда тебя каким ветром занесло? – полюбопытствовал старший.

– Да вот, к родственникам на Волгу ездил, – небрежно бросил делец.

– А-а-а, – понимающе протянули хором старший и младший братья.

– Ну, и как там в Риге живётся? – очень органично поинтересовался старший.

Ехать ещё надо было немало, а тут подвернулась увлекательная тема.

– Да уж получше, чем здесь, – хвастливо изрёк торговец и презрительно махнул рукой на мелькавшие за окном тонущие в зелени яблоневых садов деревянные домики пристанционного посёлка.

Он, предчувствуя непростую и долгую, но выгодную работу, уселся на полку рядом со старшим и принялся расхваливать товар:

– Вы здесь ничего не знаете. А это рижский бальзам, его весь мир пьёт! И на вкус он, кстати, очень приятный, – покровительственно, как двум Иванушкам-дурачкам, начал свысока объяснять торговец, демонстрируя при этом шоколадного цвета бутылку, – известное лекарство. Им весь мир лечится!

– А от чего же им весь мир лечится? – любопытствовал младший брат.

– Да от всего! – нагло фыркнул торговец.

– Ну, так не бывает. Как же может быть лекарство от всего? – раздумчиво протянул младший.

– Да вот так. От разных недугов. Он от очень многих болезней помогает! И от сердца, и от печени, и от давления, и для кровообращения хорошо, – терпеливо и надменно популяризировал товар продавец, поглядывая на попутчиков, как на идиотов.

Но те уже надели предложенные им маски и с удовольствием, не сговариваясь, играли роли простачков и недотёп.

Младший, почувствовав, что сидящий напротив него рядом с негоциантом старший скоро удивит его хорошим сюрпризом, в предвкушении возможности поохотаться, подыгрывал ведущему артисту.

– А вот, скажем, от суставов поможет? – спросил он.

Торговец серьёзно посмотрел ему в глаза и по-докторски строго сказал:

– И от суставов.

– А от желудка? – с миной первоклассника любознательно опять поинтересовался младший.

– Так им же Екатерину Вторую вылечили! – наставительно воскликнул продавец.

– Это как? Саму царицу? – ахнул младший.

– Ну, конечно! Она тогда в Ригу приехала и коликami захворала. А этот бальзам один рижский аптекарь придумал ещё в середине восемнадцатого века, – с нотками пренебрежения к собеседникам вещал продавец.

– А что же такое это за колики? – вошёл в раж младший.

– Ну, это желудок у неё болел, – пояснил продавец. – Вы, молодой человек, не отвлекайтесь, а лучше слушайте, что вам говорят!

В его голосе появились нотки раздражения.

– Да я слушаю. Спросил только, – извиняющимся тоном начал смиренно оправдываться младший.

– Ну вот, сбили. О чём я говорил? – торговец на секунду задумался и продолжал. – Так её этим бальзамом и вылечили! И с тех пор в Петербург во дворец вагон ежегодно отправляли.

– И что же, она его вагонами пила, что ли? – простодушно поинтересовался, в свою очередь, старший, решив не разочаровывать визави упоминанием о том, что железных дорог в те времена не было и в помине.

– Ну, не одна же, молодой человек! Там двор был! Свита! Вы это должны понимать! – аристократически вальяжно произнёс продавец.

– Да, интересно. Но так ведь нельзя, наверное, лечиться. Это же алкоголь. Спиться можно, – озабоченно задумался старший.

– А его надо понемножку пить. Не больше 100 граммов за один раз. Можно на завтрак, обед и ужин. И лучше с кофе, – вразумил слушателей торговец.

– Ты гляди! А с чаем можно? – опять ахнул старший, замечая краем глаза задорные смешинки в глазах младшего.

– Можно и с чаем! Ну, как, берёте? – купец не чувствовал театральности действия и активно продолжал торговлю.

– Да, это, значит, по столовой ложке почти и три раза в день... Ну что ж! Взять-то можно. Только уж очень дорого, – наивно-вопросительно посмотрел старший на младшего.

– И не сомневайтесь! – проследил за его взглядом продавец. – Его сама английская королева пьёт.

– Что, сама Елизавета Вторая? – переспросил младший.

– Вторая-вторая! Каждый год по 40 бутылок в Англию отправляют! Для неё и всего окружения! И Шарль де Голль любил. И советское правительство тоже. Все им лечатся.

– А как же он так действует? Что в нём такого? От всех болезней! – восхищённо произнёс старший.

– Это настой на травах, там и мята, и липовый цвет, и валериана. А ещё черничный и малиновый морс, мускатный орех, мёд, корица, почки берёзовые, спирт. Всего 24 ингредиента, 16 трав. И берёза должна быть только латвийская – с местных болот, никакая другая уже не годится, – сварливо принялся поучать недотёп продавец.

– Ты смотри! Надо же! – удивился младший.

– И настаивают его в дубовых бочках, а потом в керамических кувшинчиках. И разливают только в керамические бутылки, чтобы свет солнечный не проникал. Секрет его производства только несколько человек знает, – поучительным тоном продолжал торговец втолковывать высшую премудрость в простодушные мозги.

– А вы, наверное, его знаете? – с уважением спросил старший.

– Ну, немножко, самую малость, – свысока глядя на собеседника, важно и напыщенно изрёк жулик.

«А про Гёте забыл сказать!» – подумал про себя старший.

Негоциант, словно прочтя его мысли, с энтузиазмом продолжал:

– Его сам Гёте, слышали такого?

– Ну, вроде слышали, – подтвердил старший. – Ты Гёте знаешь? – по-свойски спросил он младшего.

Тот быстро кивнул головой.

Спекулянт с увлечением продолжал:

– Его Гёте в «Фаусте» эликсиром молодости называл.

– Ух ты! – восхитился младший, месяц назад прослушавший подобную ознакомительную лекцию из уст старшего брата, когда вся семья собралась за столом по случаю приезда сыновей.

– И как же его принимать надо? Вы говорите – по столовой ложке? – продолжал допытываться младший.

– Вот именно. Вы угадали! Как раз по столовой ложке! – продавец с чувством собственной значимости посмотрел на покупателей. – Его даже в мороженое добавлять можно. Вот попробуете – не пожалеете. Очень вкусно!

– Ну что, берём? – спросил старший младшего, предчувствуя заключительную триумфальную мизансцену, но всё ещё откладывая её.

– Берите-берите, вы его больше нигде не найдёте! У него одних медалей больше тридцати штук с разных выставок!

– Что, и в Москве не продаётся? – старший оценивающе повертел в руках гладкую приятного шоколадного цвета блестящую бутылку.

– Да какая там Москва! Только в Риге! – высокомерно сказал продавец.

– Ну, тогда ой! – униженным тоном сказал младший и полез в карман.

«Что бы ему сказать-то?» – подумал старший, увидев в глазах младшего ожидание эффектной развязки.

Спекулянт ещё раз озвучил заоблачную цифру и принялся ждать.

И тут старшего осенило.

– Kā Jūs jūtaties, mans dārgais draugs? – хорошо поставленным дикторским голосом, с чистейшей дикцией, чётко разделяя слова, повторяя все латышские интонации и при этом строго глядя в глаза собеседнику, серьёзно и строго-участливо спросил он.

Бальзамопродавец, в долю секунды оценив немодную короткую причёску, красноречиво указывающую на возможную причастность его визави к определённым структурам, замер, побледнел, выхватил бутылку из рук потенциального покупателя, суматошно сунул её во внутренний карман пиджака, вскочил и быстро побежал по качающемуся проходу под ритмичный скорый стук железных колёс о стыки рельсов.

– Что ты ему сказал? – посмотрев беглецу вслед и смеясь, спросил младший брат старшего.

– Как вы себя чувствуете, мой дорогой друг? – засмеялся тот в ответ.

Произнесённая им тирада была одной из фраз вежливости, которую он освоил, начав недавно изучать латышский язык.

Младший заразительно, как умел это делать только он, добродушно расхохотался во всё горло.

До Москвы оставался час езды.

Метаморфоза

«Что это было?»

К/ф «Особенности национальной охоты»

Ах, какие дивные, славные и хорошие истории рассказывал Михаил Петрович! До чего они были забавны, необычны и смешны!

Это были даже не рассказы – представления! Спектакли!

И ничего, что он приходил без предупреждения и особых приглашений!

Каждое его появление было праздником, концертом на дому! С сюрпризами и весёлыми неожиданностями!

То приносил он ни к чему тортик, простенький тортик, приказывал воткнуть в него извлечённые из затейливо оформленной коробочки свечки и объявлял день рождения февраля! То доставал ноты из обыкновенного пакета, с которым ходят в магазин, и играл «на фортепьянах» сочинённую вчера элегию в честь прекрасных дам, хозяек дома. То в лицах рассказывал, как в своей послевоенной молодости ездил на практику на Дальний Восток – на поезде через всю страну. И как по пути они, весёлые и не очень сытые студенты музыкального учебного заведения, изображали калек и убогих, исполняли песни и получали свои первые гонорары от доверчивых пассажиров. «Действо» прилагалось. Сцены он великолепно воспроизводил, песни пел и вызывал всеобщий хохот.

Или рассказывал Михаил Петрович, как написал в своё время, ни много, ни мало, гимн Кубы. Весело рассказывал, смешно! Через много лет проверили, заглянув в поисковик. И увидели, что, оказывается, врал, сочинял, выдумывал, говорил неправду. Искажал действительность. Или утрировал. Или развлекал, забавлял, острил, шутил, хохмил. (Как, однако же, важно грамотно выстроить синонимический ряд. Раз – кривле-крабле-бумс! – и ложь превращается в шутку или, того лучше, в сказку («Сказка – ложь...»)). Да ещё с намёком и уроком. Но до чего же здорово и правдоподобно это звучало! Ведь жил он некоторое время посредине Карибского моря и по роду своей профессиональной деятельности вполне мог осуществить подобную акцию, неслыханную для простого обычного человека. Или Михаил Петрович всё-таки написал для Острова Свободы что-то важное, значительное, пафосное, бравурное и часто исполняемое? Скорее всего, это так и было. Играл же он на тех же «фортепьянах» нечто в качестве иллюстрации!

И тогда, в светлых восьмидесятых, в доме смеялись и гордились тем, что человек, пишущий такую музыку, иногда приносит и сюда небольшие мадригалы-посвящения ко всяким датам. Или просто так! Да к тому же записанные профессионально, по всем правилам, особым композиторским почерком – чёрной тушью, с толстенькими и тоненькими точечками и палочками нот, а не привычными чёрными и белыми кружочками.

Любил Михаил Петрович произвести фурор! Но делал он это так скромно! То есть фурор был оглушительным, ослепительным и огромным, а сам исполнитель – маленьким весёлым и простым человеком!

Много интересного было в рассказах Михаила Петровича. И был он желанным гостем в этом доме!

С течением времени хозяйки стали готовиться к его приходам. Потому что были уверены, что наступит суббота или воскресенье, во второй половине дня прозвучит звонок в дверь и на пороге появится он – Михаил Петрович.

Его сажали за стол и кормили обедами. И пирогами, которые в обязательном и изощрённом порядке принимались петь к чаю, зная о том, что может нагрязнеть желанный гость.

Михаил Петрович имел семью: жену и двоих взрослых детей – дочку-старшеклассницу и сына-студента, пошедшего по дипломатической части, изучавшего какой-то экзотический язык и находившегося в тот год на практике в соответствующей стране.

Семью Михаил Петрович не так давно после собственного увольнения из армии и выхода в отставку перевёз в Москву, а сам жил в Риге вместе с больной старушкой-матерью, которая никуда переезжать не хотела, да и не могла по состоянию здоровья, поскольку была «плоха» и часто лежала в больнице.

Был Михаил Петрович хорошим приятелем хозяина дома, своего «товарища по оружию», которого окружало много друзей, которого любили все и к которому тянулись, как к магниту, самые разные люди – от мала до велика – во всех смыслах этого выражения. Говорили, что побеседовать с ним – всё равно, что «Аргументы и факты» почитать, да ещё и заряд хорошего настроения получить.

Разные люди бывали в этом доме. И всегда здесь всем было хорошо. Потому и приходили они к этому тёплому очагу, ну и к сдобному пирогу тоже. Стол для гостей, приглашённых или внезапно заглянувших, накрывался всегда – вкусный и сытный. А главное, с хорошей дружеской атмосферой, весёлый, интересный и содержательный, с блистательными рассказами, уморительными байками, занимательными искромётными историями, добрым умным юмором, чудесными монологами хозяина дома и бесконечными взрывами хохота зачарованных слушателей.

Иногда гости оставляли о себе память в виде небольших подарков.

Так, в доме долго обитала забавная лампа-ночничок по имени Сергей Геннадьевич, подаренная когда-то этим самым Сергеем Геннадьевичем.

В память о Михаиле Петровиче тоже осталась лампа, сделанная им собственноручно из огромной ракушки, лично найденной в белой пене карибской волны на тёплом и ласковом кубинском песке. Зажигали её редко, потому что не знали, как поменять лампочку, – экономили. Свет, проступавший сквозь лососево-розовые бока ракушки, был приятным и успокаивающим – славным таким, тихим и нежным.

Нельзя сказать, чтобы герои вместе служили, но пути их пересекались.

И поскольку оба были весельчаками и балагурами, то поддерживали прекрасные отношения и в обычной жизни.

В тот год, когда Михаил Петрович остался в городе без семьи, он и зачастил в дом.

В доме чувствовали, как ему одиноко и тоскливо. И с радостью принимали у себя, дарили душевное тепло и общение, старались компенсировать пустоту, ну и вкусно накормить.

Хозяин дома и его дочка, «институтка, только что выпущенная», преподавали историю в разных учебных заведениях. Хозяйка была инженером и отменной кулинарой.

В тот год Михаила Петровича тяготили две проблемы. Во-первых, тяжёлая и неизлечимая болезнь матери, за которой он безупречно и самоотверженно ухаживал. И во-вторых, судьба сына.

Михаил Петрович был лёгким человеком и никогда не «грузил» собеседников минорно-трагедийными нотами. Но проблемы озвучивал. И только хозяину дома. Но озвучивал, не обременяя и не отягощая. Просто открывал душу.

Проблема с матерью казалась неразрешимой.

Проблему с сыном можно было преодолеть. А состояла она в том, что у молодого человека имелась подруга, значительно превосходившая его по возрасту, а у подруги росла дочка.

И мальчик собирался на своей пассии жениться, потому что связь их была уже достаточно продолжительной, серьёзной, страстной, захватывающей и всеобъемлющей.

Михаил Петрович был не то, чтобы в отчаянии, чего он не показывал, но пребывал в сильном смятении, затруднении и непонимании, как предотвратить роковой шаг, который был ему

не по нраву и который он сильно не одобрял. И не мог преодолеть замешательства, и не знал, что делать и как разубедить собственное чадо.

А сделать это было необходимо, поскольку мальчику в ближайшее время предстояли окончание вуза с громким названием и получение распределения.

В интересах карьеры ему была необходима семья. А многоопытная подруга со своим ребёнком в гармонический лад, созданный планами Михаила Петровича, не вписывалась.

Впрочем, как уже было сказано, своих проблем слушателям Михаил Петрович не навязывал. Был весел, артистичен и обаятелен.

В доме ему искренне радовались и любили.

И когда хозяйская дочка собралась замуж, то при составлении списка гостей вопроса о целесообразности приглашения Михаила Петровича даже не возникло. Он был в первых строках. Конечно! А как же без него? То-то он удивится и обрадуется! Как он вскричит от восторга! Какое оригинальное поздравление придумает! Он мастер на такие штуки!

И какой неожиданностью и сюрпризом будет для него это известие!

Поскольку дочка по выходным была дома неотлучно, о находившемся где-то в одиннадцати тысячах километрах от места событий женихе Михаил Петрович даже не догадывался.

И вот однажды в весенний солнечный субботний день в доме раздался звонок – стандартное и призывное «ти-линь» – две ноты, известные всем.

Хозяйская дочка открыла дверь.

Пришёл Михаил Петрович.

«Взрослых» дома не было – они уехали на дачу.

И дочка зазвала гостя в комнату. Она очень обрадовалась случаю вручить Михаилу Петровичу изящную маленькую беленькую глянцевую открыточку с двумя золотыми колечками и замечательной нераскрывшейся красной розой на длинном стебле. Вручить одному из первых! Ведь приглашения она как раз накануне написала.

Михаилу Петровичу было досадно не застать друзей, но сразу уйти он не мог. Поэтому он зашёл немного поболтать и вручить подарочек – ту самую нежно-лососевого цвета лампу-ракушку.

Отказавшись от чая и усевшись на стул, он принялся выспрашивать об успехах, о «школьной» жизни, о папе и маме, о даче. Феерично рассказал очередную то ли карибскую, то ли сибирскую историю. Сообщил, что ожидает приезда сына. И собрался уходить.

Тут хозяйская дочка, попросив немного подождать, вышла в соседнюю комнату и быстро вернулась оттуда с заветной открыткой. Торжественно и хитро улыбаясь, представляя, как просияет от удовольствия лицо гостя, она вручила ему приглашение.

Михаил Петрович с любопытством раскрыл открытку и прочитал текст.

Хозяйская дочка выжидательно смотрела на него.

Ещё бы! Это было первое врученное уведомление о свадьбе!

Дочка предполагала увидеть традиционный Михаил Петровичев восторг, услышать смешные поздравления, ну, или как минимум вопросы.

Но вместо этого она заметила, что лицо Михаила Петровича вытянулось, осунулось и покраснело. Михаил Петрович обомлел, онемел и потерял дар речи. Он опешил! Он был ошеломлён, шокирован, огорошен, сражён! Он был убит! Наповал!

Всегда оживлённое круглое лицо его стало каким-то замершим. Он неподвижно сидел, вглядываясь в хозяйку, словно не веря в происходящее. Страшное расстройство плавало в его небесно-голубых глазах. Вид его был настолько огорчённо-опустошённым, что хозяйская дочка почувствовала, что нанесла Михаилу Петровичу страшный удар – как будто дубиной по голове взяла и ударила. Сильно! Непоправимо!

Гость молчал.

И у хозяйки создалось впечатление, что она обманула и жестоко уязвила Михаила Петровича в самых лучших чувствах.

Будь ему лет на тридцать меньше, и имей он другое семейное положение, она подумала бы, что оскорбила его лично, отвергнув предложение руки и сердца. Которого ей, однако, никто не делал и даже не намекал ни на что подобное, и даже «виду не показывал».

«Чем же я так его... обескуражила?» – недоумевала она.

Михаил Петрович не произносил ни звука. И вопросов не задавал, поскольку был не в состоянии.

Поэтому хозяйской дочке пришлось как-то самостоятельно замазывать невольной причинённый моральный ущерб и озвучивать дату, время и место предстоящего мероприятия.

Михаил Петрович так и не пришёл в себя. Он взял открытку и с какой-то нелепой дежурной фразой на устах ушёл с грустным, оскорблённым и убитым видом.

Больше он ни разу не пришёл в этот дом.

И на свадьбе присутствовал очень странно.

Михаил Петрович появился в ресторане со значительным опозданием, не сел за стол, а встал в середине зала, произнёс официальное поздравление без единого весёлого слова, сыграл на рояле специально написанный к случаю свадебный гимн, спев собственного сочинения текст, вручил красиво оформленную партитуру, букет, конверт и под предлогом крайней занятости удалился.

И даже хозяину дома звонить практически перестал.

Впрочем, наверное, он и вправду был очень занят, потому что приехал его сын.

Хозяйская дочка даже как-то случайно ещё до свадьбы встретила их вдвоём на улице, и Михаил Петрович представил молодых людей друг другу. Он больше не балагурил, не острил и был крайне серьёзен, хотя из ступора вышел.

А через какое-то время после смерти матери и вовсе уехал в Москву к семье. И звонил оттуда хозяину дома чрезвычайно редко.

А в Ригу приехал только через год. Позвонил, объявился. Ему по старой памяти обрадовались, возликовали и тотчас позвали в гости. Но он не пришёл. И встретился с хозяином дома где-то на нейтральной территории.

Смутные догадки о причинах метаморфозы, безусловно, приходили в голову героям рассказа. И даже не очень смутные. Но к чему их оглашать?

Самый-самый

Гости съезжались на дачу...

А. С. Пушкин

Юный и прекрасный июньский день.

Начало летних каникул.

Лужайка перед гостевым загородным домом, срубленным из массивных жёлтых брёвен и крытым толстым этнически-стильным слоем тростника.

Большой недавно подстриженный зелёный газон, благоухающий тонким и свежим запахом молодой травы. Через всю территорию полосатой жёлто-коричневой лентой бархоток изгибается вытянутая длинная клумба.

Выложенные плиткой дорожки. Под двумя большими белыми навесами – два праздничных стола в окружении пластиковых стульев.

Под одним из тентов сидят два клоуна: девушка с двумя верёвочными канареечно-жёлтыми объёмными косами и молодой человек в рыжем парике. Они буднично переговариваются, и вид их создаёт впечатление, что даже в нелепых костюмах и вызывающем рябь в глазах гриме можно оставаться обычными людьми со своими весьма прозаическими проблемами.

По дорожке ходит именинник – восьмилетний мальчик в белой рубашке, белых брючках и с серебристым галстуком-бабочкой. Он «вылизан» и собран к приёму гостей – весь ожидание.

Но вот на дороге появляется автобус. Он паркуется на стоянке, и из него вываливаются дети и взрослые.

От толпы отделяется не менее празднично одетый мальчик и бросается по дорожке навстречу встречающему гостей имениннику.

– Барсик, привет! – вопит он.

– Привет, Вадька! – кричит в ответ главный герой праздника.

Стоящая неподалёку и вглядывающаяся в сторону приближающихся гостей мама слегка морщится, поднимает голову и шепчет возвышающемуся рядом с ней папе:

– Тьфу ты! Опять он его так называет!

Папа виновато улыбается. Он-то знает, что к седьмому классу детское прозвище преобразится в уважаемого Барса. Ну а пока пусть будет так. Он тоже через это прошёл.

Тем временем к ним подходят гости. Все здороваются.

– Привет, Барс! – жмёт руку папе один из гостей, бывший его одноклассник.

Дети начинают вручать Барсику цветы и подарки. Тот принимает дары и складывает рядом с собой прямо на газон. Вскоре образуется изрядная шуршаще-блестящая куча.

Когда процесс заканчивается, подключаются родители. Они начинают переносить свёртки под навес и расставляют цветы в специально приготовленные вазы, уже заполненные водой.

Гости рассаживаются за столы – дети за один, родители за другой.

К процессу подключается ведущий – клоун в рыжем парике. Он произносит подобающий ситуации спич с объяснением причин мероприятия и поздравлениями имениннику. Подчёркивает важность даты – достигнуто восьмилетие, решающий и значительный рубеж преодолен – окончен первый класс. Оценки отличные, круг друзей сложился, все товарищи собрались здесь, полные лучших чувств, планов и намерений. Подарки прилагаются – вот, пожалуйста, взгляните направо – всё в наличии: коробки, пакеты, фольга, банты, цветы. Родители, безусловно, должны быть счастливы, имея такое талантливое, прекрасное и уникальное дитя. Впереди светлая и прямая дорога, радужные планы и огромные блестящие перспективы. В полной дифирамбов речи начинает звучать чуть ли не намёк на нобелевку.

Затем клоуны переходят к практической части. Они надувают разноцветные шарики разной формы, особым образом сгибают и заламывают получившиеся «колбаски», делают смешные и забавные фигурки – собачек, кошечек, цветочки и раздают их детям, пускают затейливые мыльные пузыри, показывают фокусы и устраивают конкурсы.

После значительной партии развлечений гостям предлагают закусить. Официанты разносят угощения.

Но дети есть не хотят. Они усиленно пьют. Бутылки с минералкой, лимонадами и коробки с соками беспрестанно поднимаются и опорожняются. Наряженные раскрасневшиеся вспотевшие одноклассники бегают вокруг стола, будучи не в силах остановиться, и никак не могут утомиться.

Родители сидят за своим столом, благостные и счастливые.

Они поглядывают в сторону «детского» стола, пьют кофе и незаметно втягиваются в разговоры.

Бразды правления в свои руки берёт полная ярко одетая и манерная мама с пышно уложенными пепельного цвета волосами.

– А мой Вова, – подчёркивает она имя сына, – вчера был на занятиях в школе для особо одарённых детей. Они там такие картины рисуют! Вы себе не представляете! Мы Вовин натюрморт как раз в подарок принесли! Посмотрите, вон он на столе стоит в рамочке. Конечно, его надо на стену повесить! Но это уже потом – дома.

– Спасибо, – хором говорят родители виновника торжества Барсика.

– А что это ваш Вова на каникулах куда-то ходит? Что, не научился ещё? – интересуется Митин дедушка, оскорблённый не в первый раз повторяющимся заявлением об особой одарённости и исключительности умного Вовы.

– Вы ничего не понимаете! Таланты надо развивать! Есть такие дети, которые умеют прекрасно рисовать, петь, танцевать, считать, читают много. Вот ваш Митя сколько слов в минуту прочитывает? – запальчиво спрашивает мама особо талантливого Вовы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.